

Эдуард БАТАЛОВ

Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы)

Тридцать лет назад в книге «Гражданская культура», ставшей для многих западных (а теперь и для некоторых российских) политологов своего рода Библией, американские исследователи Г. Алмонд и С. Верба писали следующее: «Государственные деятели, стремящиеся создать политическую демократию, часто концентрируют свои усилия на учреждении формального набора демократических правительственных институтов и написании конституции. Они также могут сосредоточить усилия на формировании политической партии, с тем чтобы стимулировать участие масс. Но для развития стабильного и эффективного демократического правления требуется нечто большее, нежели определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от... политической культуры. Если она не способна поддержать демократическую систему, шансы последней на успех невелики»¹.

Политическая жизнь современной России лишней раз подтверждает справедливость этих слов. Трудности становления демократии в нашей стране — будь то на структурном или функциональном, федеральном или региональном уровнях — во многом обусловлены именно отсутствием политической культуры демократического типа, ибо и наши политики, и рядовые граждане, сами того подчас не замечая, мыслят и действуют в соответствии с императивами политической культуры, сложившейся в советском обществе много десятилетий назад. Нет уже ни СССР, ни КПСС, ни прежних идеологических учреждений, а большевистская политическая культура жива. Это она направляла действия путчистов в августе 1991 года. Это она проявилась в кровавых событиях октября 1993 года. Она способствовала успеху партии Жириновского на выборах в декабре того же года.

Конечно, как целостная парадигма эта культура больше не существует. Но процесс ее распада и гниения может затянуться на долгие годы. Сколько времени он продлится, будет зависеть по крайней мере от трех факторов: динамики смены поколений; характера политической социализации молодежных групп; темпов становления новых экономических и политических отношений.

Опыт Германии и Италии, где, как и в Советском Союзе, существовали тоталитарные режимы, убеждает нас в том, что потребуются не одно десятилетие, чтобы старая политическая культура сначала приобрела периферийный характер, а потом сошла на нет. Впрочем, остаточное воздействие тоталитарной

¹ Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963, p. 498.

культуры, проявляющееся в некоторых кризисных ситуациях в форме ярких, хотя и локализованных вспышек, наблюдается в этих странах (особенно в ФРГ) до сих пор². Тем более трудно рассчитывать на быстрое культурное обновление России, находившейся под властью тоталитаризма не два десятилетия, как Италия, и не двенадцать лет, как Германия, а по крайней мере (если ограничить его периодом сталинского правления) около трети века. К тому же следует принять во внимание, что ни в какой другой стране тоталитаризм не проявлялся в столь жесткой и последовательной форме, как в Советском Союзе.

Есть все основания полагать, что Россия, каким бы путем ни пошла она в своем дальнейшем развитии, долго еще будет если не оставаться во власти, то по крайней мере испытывать ощутимое воздействие советской политической культуры. Причем это воздействие может оказаться более ощутимым и устойчивым, поскольку в некоторых странах ближнего зарубежья (бывших союзных республиках), тесного сотрудничества с которыми России не избежать, идет интенсивная регенерация элементов старой политической системы и адекватной ей политической культуры.

Таким образом, перед российскими обществоведами, исследующими политико-культурную проблематику, стоит сегодня двуединая задача. Во-первых, составить более или менее четкое представление о том, что же является собой демократическая политическая культура или, если поставить вопрос несколько иначе, что такое политическая культура демократического (и демократизирующегося) общества.

Вопрос не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Опыт многих стран свидетельствует о том, что и демократическая политическая система, и адекватная ей политическая культура принимают в, разном пространственно-временном контексте неодинаковые формы, при этом чем полнее отражают они национальную специфику, тем более эффективными и стабильными оказываются. России предстоит еще выяснить, какого рода демократия могла бы привиться на ее почве и какого рода политическая культура могла бы стать интегральным элементом новой политической системы.

Во-вторых, не менее серьезная и важная задача — разобраться в таком чрезвычайно интересном и сложном феномене, как *советская политическая культура*. Раскрытие ее содержания, сущности, типологических особенностей и т. п. позволило бы нам не только лучше понять собственное прошлое и настоящее, но и разглядеть какие-то черты политического будущего России, ибо новая политическая культура, сколь бы радикально ни обличалась от культуры советской, долго еще будет нести на себе ее печать. К тому же анализ нашего политико-культурного прошлого, будь он предпринят на должном научном уровне, мог бы способствовать созданию общей теории политической культуры, над разработкой которой бьются уже не одно десятилетие политологи многих стран.

Нельзя сказать, что советская политическая культура — совершенно новый для нас объект исследования, не попадавший прежде в поле внимания отечественных историков, философов, правоведов. Примерно с конца 70-х годов в нашей печати регулярно появляются статьи, брошюры, главы монографий, посвященные либо советской политической культуре в целом, либо каким-то ее аспектам. Особенно повезло рабочему классу и молодежи, о политической культуре которых написаны десятки статей. А всего, по некоторым подсчетам, было опубликовано не менее 150 работ по рассматриваемой проблематике — преимущественно небольшие статьи, доклады и т. п. При

² Резонно предположить, что информация о культуре, некогда пережитой и вроде бы изжитой социумом, на самом деле навсегда сохраняется в закодированной форме в его исторической памяти и оказывает определенное, не всегда осознаваемое и понимаемое нами воздействие на сознание и поведение как нации в целом, так и особенно отдельных групп и индивидов.

этом большинство публикаций принадлежало перу авторов, специализировавшихся в области научного коммунизма и истории КПСС, что, конечно же, накладывало отпечаток на подход к проблеме, интерпретацию предмета, а в итоге и на характер текстов. Возможно, историографы когда-нибудь проанализируют эти публикации в полном объеме, дадут им оценку, выявят достоинства и недостатки. Однако, если мы намерены воссоздать подлинную картину советского прошлого, необходимо уже сегодня, не дожидаясь, пока критики свершат свой суд, обратить внимание на некоторые исходные принципы и установки (не изжитые до конца и по сей день), на которых строилось большинство культурологических работ и которые были серьезным препятствием на пути формирования истинного представления о политической культуре советского общества.

Большая часть этих принципов и установок базировалась на нескольких ленинских *фразах* о политической культуре, высказанных им по совершенно конкретному практическому поводу. Однако они были возведены в абсолюты и приобрели характер методологического императива. «Впервые,— читаем в одной из работ,— термин «политическая культура» был употреблен Лениным³. В выступлении на Всероссийском совещании политпросветов в ноябре 1920 года он отметил: «... цель политической культуры... воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков... Это возможно, только овладев всей суммой знаний...» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 404). Данное высказывание,— продолжает автор,— *раскрывает основное содержание политической культуры и важно для правильного понимания ее сущности и значения** (выделено мной.— Э. Б.).

Ленинская постановка вопроса предопределила такую характерную черту советских работ по политической культуре, как *инструментальный подход к предмету*. Как справедливо отмечали авторы одного историографического обзора, «в советской литературе политическая культура рассматривается как составная часть многогранного процесса совершенствования зрелого социализма, дальнейшего развития социалистической демократии, социалистического образа жизни, формирования всесторонне развитой личности»⁵.

Очевидно, подход к советской политической культуре как *орудию* построения социализма и коммунизма предполагал ее *прогрессистскую трактовку*, в соответствии с которой культура, рассматриваемая как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством, *сводится исключительно к позитивным элементам*⁶.

³ Впервые этот термин был употреблен задолго до Ленина. О «политической культуре» в 1877 году писал русский историк В. Герье. Восходит же это словосочетание, как утверждают исследователи, в частности Ф. Барнард, к немецкому философу-просветителю XVIII века И. Гердеру. Впрочем, по поводу приоритетов (и не только терминологических) в советской литературе 70—80-х годов можно прочитать много любопытного. Вот что писал, например, один профессор в не таком уж далеком от нас 1985 году: «Начало формирования политической культуры положили К. Маркс и Ф. Энгельс (!) — создатели научного мировоззрения рабочего класса. Рабочий класс — изначальный (?) субъект социалистической политической культуры в лице (?) марксистско-ленинского учения) (Политическая культура развитого социалистического общества. Сущность и механизм формирования. Л., 1985, с. 8).

⁴ Комаров Е. Г. Политическая культура молодежи. М., 1986, с. 8.

⁵ Бурмистрова Т. Ю., Дмитриев О. А. Сущность и факторы формирования политической культуры трудящихся в зрелом социалистическом обществе (историографический обзор). «Политическая культура развитого социалистического общества», с. 92—93.

⁶ Российские социологи Е. Вавилин и В. Фофанов, выделяя среди традиционных для советской литературы трактовок культуры «аксиологическую» концепцию (культура — совокупность материальных и духовных ценностей), различают два ее варианта: упомянутый выше «прогрессистский» и «бинарный», трактующий культуру как совокупность положительных и отрицательных явлений. См. В а в и л и н Е. А., Ф о ф а н о в В. П. Исторический материализм и категория культуры. Новосибирск, 1983, с. 17—18.

Такой подход привился в советской политической культурологии с тем большей легкостью, что он соответствовал устойчивой традиции трактовки культуры, сложившейся в России задолго до революции. (Этой традиции, кстати сказать, следовал в своих рассуждениях о политической культуре и Ленин.) Для российской интеллигенции, вообще для всех россиян, писавших о культуре, она всегда была совокупностью высших достижений человечества, т. е. чем-то однозначно положительным, даже священным.

Этот культурологический прогрессизм, это отождествление культуры с неким вневременным и внепространственным позитивным абсолютом, прочно вплавленные в российский «менталитет», как теперь принято выражаться, существенно затрудняют адекватную трактовку как культуры в целом, так и политической культуры. В ней видят не сложную, внутренне противоречивую систему, а «планку», до которой надо просто дотянуться. Отсюда и постоянные призывы «повысить» нашу политическую культуру, «поднять» ее «уровень». Естественно, если бы культура трактовалась как «бинарная» система, все разговоры о «повышении» ее уровня отпали бы сами собой как бессмысленные.

«Прогрессистская» трактовка советской политической культуры предопределяла *отождествление ее с возводимым в ранг всеобщего императива идеалом, строившимся как умозрительная конструкция*. Основанное на эмпирических данных описание реальной политической жизни⁷, реально существующих структур политического сознания и моделей политического поведения, пронизанных противоречиями, подменялось описанием плоских утопических схем, воплощавших «оптимистические официальные установки».

В итоге политическая культура советского общества представляла как идеальное — по крайней мере в своем полном, последовательном, целевом воплощении — образование, отличительными чертами которого провозглашались «синтез высоких революционных идеалов с активным социальным действием», «исторический оптимизм», «несовместимость с политической пассивностью», «непримиримость к буржуазной идеологии», «строгое соблюдение политических норм государственной и общественной жизни» и т. д. (список этих замечательных качеств мог бы занять не одну страницу). «Социализм,— утверждает, например, один из авторов,— порождает свой особый тип политической культуры, характеризующийся невиданной ранее активностью масс и наибольшей структурной сложностью...»⁸. Эта культура, уверяет другой автор, «прививает людям навыки, способности и умение претворять в жизнь политику Коммунистической партии и социалистического государства с тем, чтобы изменить этот мир в соответствии с жизненными интересами человека»⁹.

Конечно, культура, в том числе и политическая, не может не включать в себя идеал как эталон, цель деятельности. Но она не может быть и сведена к идеалу — даже если он носит реалистический характер, т. е. выводится из реальных тенденций развития объекта. Наряду с идеалом, задающим цель движению, культура включает и его «траекторию», реальные — скажем пока так — «модели жизни»¹⁰.

⁷ На этом фоне отчетливее обнаруживается справедливость суждений тех культурологов и философов, которые, как, например, Х. Ортега-и-Гассет, издеваясь над стремлением редуцировать культуру до отделенного от реальной жизни «духовного», «возвышенного», выводили ее, как, впрочем, и «возвышенное», из «жизненных функций». «Нет культуры без жизни, нет духовности без жизненности, в куда более земном смысле, *terre a terre* (приземленно, заурядно — фр.), чем хотели бы придать этому слову» (Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991, с. 21).

⁸ Политическая культура развитого социалистического общества, с. 116.

⁹ Там же, с. 93—94.

¹⁰ Установка на такое восприятие культуры давно получила распространение в антропологии. Еще полвека назад Р. Линтон проводил различие между «реальными культурными образцами» и «идеальными культурными образцами», причем и те, и другие выступали в качестве интегральных элементов культуры (см. Linton R. The Cultural Background of Personality. N. Y., 1945). «Моральный кодекс строителя коммунизма» был элементом советской политической культуры. Но таким же полноправным ее элементом были «модели» отклонения от этого императива, т. е. игнорирование этого кодекса.

Еще одной чертой трактовки советской политической культуры было *отождествление ее с культурой социалистической*. Такой подход вполне соответствовал характерной для нашего общественного сознания линии на идентификацию всего советского (включая общественный строй, сознание, образ жизни и т. п.) с социалистическим. И никто, похоже, не замечал, что этот априоризм в сочетании с официальной установкой на трактовку социализма как «самого прогрессивного общественного строя», по сути дела, закрывал перед пишущими о советской политической культуре всякие пути к ее непредвзятому исследованию". Требовалось просто спроецировать на советскую политическую культуру черты, которые «открывал» в «зрелом социализме» очередной партийный съезд или пленум, или генсек.

Наряду с общими типическими чертами были в работах о советской политической культуре и заметные различия. Они касались главным образом *трактовки сущности политической культуры и ее структуры*. Если западные политологи спорили прежде всего о том, следует ли включать в политическую культуру какие-то характеристики политического поведения, но при этом в массе своей придерживались представления о культуре как системе «образцов ориентации», т. е. достаточно четко и однозначно видели в ней систему моделей, то советские авторы обсуждали совсем другой аспект проблемы. У большинства из них не было сомнений в том, что политическая культура включает в себя явления как психического, так и поведенческого характера. Что же касается состава этих явлений или структуры переменных политической культуры, на этот счет высказывались самые разные, порой исключавшие друг друга точки зрения, обусловленные прежде всего прогрессистским подходом к толкованию культуры.

Одни утверждали, что политическая культура означает *«уровень и характер политических знаний, оценок и действий граждан, а также содержание и качество социальных ценностей, традиций и норм, регулирующих политические отношения»*¹² (здесь и далее курсив мой.— Э. Б.). Другие определяли политическую культуру как *«уровень знаний и представлений различных классов, слоев общества, наций и индивидов по поводу власти и политики, а также определяемые этим политическую ориентацию и политическую активность»*¹³. По мнению третьих, политическая культура представляет собой *«способ деятельности людей в сфере социально-политических отношений, степень их политической сознательности, уровень овладения трудящимися законами общественного развития, приобщения их к искусству политического руководства, степень освоения ими опыта политической борьбы»*¹⁴.

Как нетрудно заметить, состав переменных, характеризующих политическую культуру, у разных авторов неодинаков. При этом остается открытым важный вопрос: все ли знания, традиции, формы активности и т. п. носят культурный характер или только некоторые из них? Бросается также в глаза, что в большинстве дефицитов политическая культура истолковывается как *«уровень»* или *«степень»*: «уровень знаний», «уровень овладения», «степень освоения» и т. п. Таким образом, она оказывается как бы приближением к некоему изначально заданному познавательному или поведенческому *абсолюту, эталонному* знанию или поведению.

¹¹ Нечто похожее произошло и с Г. Алмондом, и С. Вербой, задавшимися целью описать политическую культуру демократии («гражданскую культуру»). Как верно заметил польский политолог Е. Вятр (и не он один), Алмонд и Верба «отождествляют демократию с англо-американскими политическими системами и определяют «гражданскую культуру» таким образом, что ее эмпирически подтверждаемой чертой является соответствие с принципами и способом функционирования англо-американской модели демократии; из-за этой этноцентрической ошибки основные выводы книги «Гражданская культура» грешат тавтологией» (Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979, с. 264).

¹² Краткий политический словарь. М., 1983, с. 252.

¹³ См. «Вопросы философии», 1980, № 12, с. 13.

¹⁴ См. «Научный коммунизм», 1979, № 5, с. 57.

На самом деле советская политическая культура, как и культуры других стран, представляла собой сложное, многослойное, внутренне противоречивое образование, о котором доперестроечная отечественная литература не давала адекватного представления. Да она и не имела такой возможности.

Если наши философы, историки, социологи, занимавшиеся общей теорией политической культуры или политической культурой зарубежья, могли проявлять какое-то свободомыслие, то все, кто писал о советском обществе, находились в более жестких условиях. Если бы в СССР и были проведены необходимые эмпирические исследования и на их основании подготовлены серьезные теоретические работы, они, вероятнее всего, не увидели бы света. Реальная политическая культура советского общества находилась в непримиримом противоречии с теми идеологическими клише, с теми мифологемами, которые конструировались и распространялись под руководством Агитпропа и КГБ и которые были призваны не приоткрыть истину, а сокрыть ее.

Серьезные сдвиги в общественном сознании, происшедшие в перестроечный и особенно в постперестроечный периоды, затронули и культурологическую проблематику. За последние несколько лет опубликованы десятки статей о политической культуре. Но большинство из них трактует этот феномен либо в общетеоретическом, либо в сугубо конъюнктурном планах. Интерес к советской политической культуре резко упал. Посвященные ей публикации можно пересчитать по пальцам¹⁵. Возможно, это временный спад, пауза перед серьезной «мозговой атакой». Но так или иначе мы оказываемся в не такой уж редкой для России ситуации, когда наиболее близкую к реальности (хотя отнюдь не бесспорную) информацию о себе она вынуждена черпать из зарубежных источников — на сей раз преимущественно американских и английских.

Речь идет прежде всего об исследованиях Р. Такера (автора книги «Политическая культура и лидерство в советской России. От Ленина до Горбачева»¹⁶), С. Уайта (опубликовавшего еще в 1979 году монографию «Политическая культура и советская политика»¹⁷), Р. Пайпса, работа которого «Россия при старом режиме»¹⁸ появилась недавно в русском переводе, а также о публикациях А. Брауна, М. Маколей, Н. Верта и других.

Главное достоинство большинства этих работ (заслуживающих отдельного разговора) заключается, на мой взгляд, в том, что их авторы, опираясь на доступную им информацию, пытались воссоздать реальный образ советской политической культуры, какой она им виделась из заграничного далека. В итоге, несмотря на всю наивность или поверхностность некоторых их суждений либо явные заблуждения, они в целом оказывались все же ближе к реальности, чем иные отечественные мифотворцы, сочинявшие по заказу начальства розовые и голубые мифы о все более «повышающейся» политической культуре «советского человека».

Достоинством названных исследований можно считать также попытку проследить зависимость между политико-культурной традицией дореволюционной России и политической культурой советского общества. Нельзя не сказать и о том, что западные советологи в большинстве своем были достаточно последовательны в проведении избранной ими (пусть далеко не бесспорной) методологической стратегии. Во всяком случае, они, как правило, не сваливали в одну кучу «знания», «традиции», «установки», «уровни» и т. п.

Разумеется, работы зарубежных исследователей советской политической

¹⁵ Хороший почин — публикация материалов «круглого стола» по теме «Политическая культура и реформа в СССР», проведенного в МГУ в 1991 году. См. Вестник Московского университета. Серия социально-политических исследований, 1991, № 4. См. также Политическая культура российского общества. «Общественные науки и современность», 1994, №№ 3—4.

¹⁶ Т у с к е р Р. С. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev. N. Y., L., 1987; см. также Т а к е р Р. Проблема политического лидерства в советском обществе. «Общественные науки и современность», 1989, № 5.

¹⁷ W h i t e St. Political Culture and Soviet Politics. L., N. Y., 1979.

¹⁸ П а й п с Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

культуры отнюдь не эталон. Западных коллег можно упрекнуть, в частности, в том, что они так и не осознали реальных масштабов и глубины существовавшего в условиях «зрелого социализма» двоемыслия — этой удивительной способности «советского человека», поддерживая на словах «родную партию и правительство», жить на деле совсем другой, отнюдь не лозунговой жизнью. Не видели зарубежные культурологи и многих скрытых пружин советской политики, а значит, и действительных — тоже, разумеется, скрытых — «образцов» политического сознания и поведения. Были и другие огрехи.

Тем не менее, повторю, на перестроечном этапе сочинения наших западных коллег сослужили в целом добрую службу, по крайней мере в просветительском плане. Однако того, что дает западная советология, сегодня уже недостаточно ни для осмысления нашего прошлого, ни для прозрения культурного будущего России. Требуется заново, опираясь на ставшую доступной литературу, на ранее закрытые документы, на данные эмпирических исследований, проанализировать политическую культуру, начавшую складываться на рубеже XIX—XX веков в недрах большевистских кружков и продолжающую существовать в превращенных формах вплоть до наших дней. В каком направлении вести исследования? На какие вопросы искать ответ?

Одним из самых интересных и вместе с тем недостаточно разработанных является вопрос о *генезисе советской политической культуры*. На какие традиции опиралась она при своем формировании? Из каких источников черпала «строительный материал»? Родилась ли она из разрыва с дореволюционной российской культурой или, напротив, унаследовала некоторые ее черты? И если унаследовала, то что именно?

Не менее важен вопрос об *этапах, пройденных советской политической культурой в процессе ее становления и эволюции*, об изменениях, сопутствовавших переходу от одного этапа к другому.

Практически не исследованным остается вопрос о *политических субкультурах, существовавших на территории Советского Союза*. Пока можно только строить догадки, что это были за образования, из каких источников они питались и т. д. Возможно, если бы мы располагали ответами на эти вопросы, процесс распада советской тоталитарной системы оказался бы более управляемым.

Весьма серьезная задача — *выявление основных параметров доминантной политической культуры советского общества*, причем на разных уровнях и в разных сферах. Начинать же надо с *уточнения методологических оснований исследовательской деятельности* и в первую очередь с определения понятия «политическая культура».

Ситуация, существующая ныне в мировой политологии, такова, что едва ли не каждый серьезный исследователь, работающий в области политической культуры, должен начинать с уточнения своего понимания этого феномена. Ибо ныне, как и тридцать или двадцать лет назад, отсутствует единое, общепринятое представление о предмете, сфере и границах политической культуры. Отсутствует, в частности, по той причине, что открытым остается вопрос о предмете, сфере и границах культуры как родового явления.

Подобную ситуацию нельзя считать ни случайной, ни тем более «скандальной» (если вспомнить о кантовском выражении «скандал в философии»), свидетельствующей о бессилии человеческого разума, его принципиальной неспособности проникнуть в суть такого явления, как культура.

Культура — это своеобразный *код существования человека*, его многообразных отношений с космосом, природой, друг с другом. Исторически сложилось так, что именно с помощью понятия «культура» человек Нового времени пытался и до сих пор пытается концептуально выразить в наиболее экономной форме все многообразие и всю противоречивость своего бытия в мире. Вот почему культура в ее формальных и содержательных проявлениях столь же неисчерпаема и трудно определима, как сам человек и мир, в

который он погружен. Культура — это саморазвивающаяся, самокорректирующаяся открытая система, идентификация которой всегда будет составлять Проблему для исследователя.

Но если отсутствуют общепризнанное и полное представление о культуре как целостном родовом явлении и однозначное ее толкование, неизбежно и параллельное существование множества видовых ее определений, включая политическую культуру. И это не просто проявление интеллектуальной терпимости, но фактическое признание многомерности и многообразия человеческого существования, попытка адекватной самоидентификации человека, в том числе и как политического существа.

В то же время следует отметить, что между различными концепциями культуры имеются точки соприкосновения, фиксирующие в прямой или косвенной форме представление о том, что культура характеризуется *свойством всеобщности*, т. е. присутствует в том или ином виде во всех проявлениях общественной жизни. Неслучайно мы говорим о «культуре земледелия», «культуре производства», «культуре потребления» и т. п.

Отсюда следует вывод, имеющий принципиальный методологический характер: культура соотносима не с какой-то разновидностью человеческой деятельности в ее живой или овеществленной форме и даже не с деятельностью как таковой¹⁹. Она соотносима с историческим процессом в его органической целостности, с социальной историей человека, с процессом его общественного самовоспроизводства. Следовательно, культура может быть определена — в самой сжатой и абстрактной форме — как *способ общественного самовоспроизводства человека и человечества*.

Этот способ зафиксирован на разных предметных уровнях с помощью разных «языков» и конкретизируется в определенной системе моделей («образцов», по определению Г. Алмонда) сознания и деятельности, которые, складываясь и видоизменяясь в ходе исторической эволюции и усваиваясь членами общества в процессе социализации и обучения, имеют относительно устойчивый, действительный по отношению к данному этапу исторического развития характер.

Культура существует как объективная реальность. Но она не в вещах. Вещи — опредмеченная, мертвая или, лучше сказать, законсервированная культура, которая может навсегда остаться в латентном состоянии. Культура и не в головах, не в нервных клетках мозга. Последние суть не более, чем психофизиологическая основа культуры, возможность культурной деятельности человека. Культура — в конкретных, живых, постоянно угасающих и вновь возникающих *отношениях, складывающихся между деятельными субъектами социально-исторического процесса*²⁰.

Все сказанное о культуре как о родовом явлении характеризует и ее видовые проявления, включая *политическую культуру*. Первые исследователи этого феномена ограничивали его, как известно, сферой сознания. Обобщая широко распространенные в 60—70-е годы на Западе взгляды, американский

¹⁹ Советская цивилизация придала понятиям «культура», «культурная деятельность» узкоспециализированную окраску. Когда говорят, что такой-то — «деятель культуры», это надо понимать так, что он работает в театре или музее или развлекает в качестве массовика-затейника отдыхающих в санатории. Таким образом, культура неоправданно ограничивается сферой искусства, рекреационной деятельности и отчасти воспитания.

²⁰ Следует в связи со сказанным уточнить, что «культура» и «культурное наследие» — это хотя и близкие, пересекающиеся, но не вполне совпадающие явления. Культурное наследие — как материальное, так и духовное — есть не что иное, как опредмеченная, овеществленная культура. Оно не участвует непосредственно в воспроизводстве общественной жизни, хотя при определенных условиях может быть распредмечено и вплетено в живую ткань человеческих отношений, в том числе политических. Сказать заранее, какие именно элементы культурного наследия обретут в тот или иной момент новую жизнь и обретут ли они ее вообще, невозможно. «Селекция» — прерогатива истории. Типичные для революционных эпох попытки «выбросить культурный хлам» могут иметь трагический исход для общества, для его культурного развития. Об этом не грех напомнить сегодня, когда вновь возникает вопрос о переоценке далекого и недавнего прошлого и питавшей его культуры.

политолог Л. Пай определял политическую культуру как «совокупность установок, убеждений, чувств, которая задает порядок и придает значение политическому процессу и представляет собой основополагающие допущения и правила, управляющие поведением в политической системе. Она включает в себе как политические идеалы, так и действующие в государстве нормы. Политическая культура есть, таким образом, проявление в агрегированной форме психологических и субъективных измерений политики»²¹.

Сказано вполне определенно: политическая культура ограничивается сферой субъективно-психического. Что касается политического поведения, то предполагалось — и это опять-таки отчетливо вытекает из формулировки Пая, — что оно вполне регулируется «установками, убеждениями и чувствами». Однако уже вскоре после выхода в свет «Гражданской культуры» и других публикаций, разделявших эту позицию, многие исследователи выступили с идеей включения в политическую культуру «образцов», или устойчивых, репрезентативных «моделей» поведения индивидов и групп, участвующих в политическом процессе.

Как писал в этой связи Вятр, «нельзя сводить понятие политической культуры исключительно к психическим состояниям. Нужно включить в него также определенные образцы поведения. Это соответствует общему пониманию культуры... а также той исследовательской интуиции, которая заставляет искать определенные устойчивые образцы поведения как важнейшие черты культуры, определяющие общественные и политические действия»²².

Это была вполне резонная идея, принимавшая в расчет то обстоятельство, что поведение политических субъектов в лучшем случае лишь частично фиксируется и контролируется их сознанием и в своих модельных проявлениях не всегда совпадает с моделями последнего, а потому представляет самостоятельную феноменологическую сферу и самостоятельный предмет исследования.

Таким образом, к концу 80-х — началу 90-х годов в трактовке политической культуры определяются два основных направления. Одно ограничивает этот феномен сферой психического, другое включает в него наряду с «образцами» политического сознания и «образцы» политического поведения людей²³. Но исчерпывается ли тем самым все богатство проявлений культуры в сфере политического? Очевидно, нет.

В 1990 году в книге о политической культуре современного американского общества²⁴ автор этих строк предложил более широкую интегральную (социетальную) трактовку политической культуры, подтверждаемую, как представляется, опытом политической жизни общества.

Если модели политического поведения группы не могут быть выведены из суммы моделей поведения составляющих ее индивидов, то точно так же модели функционирования политической системы как целого и отдельных ее институтов не могут быть выведены из моделей поведения индивидов и групп, действующих в рамках этой системы. Можем ли мы, скажем, получить адекватное представление об «образцах» функционирования властных институтов — того же правительства или парламента, — взяв за основу «образцы» поведения и сознания действующих

²¹ Pye L. W. Political Culture. «International Encyclopedia of Social Sciences», vol. 12, p. 218.

²² Вятр Е. Социология политических отношений, с. 260—261. См. также у У. Розенбаума: «...Политическая культура — это концептуальное обозначение чувств, мыслей и поведения, которые мы замечаем или выводим, наблюдая за людьми, живущими своей повседневной гражданской жизнью» (Rosenbaum W. A. Political Culture. N. Y., 1975, p. 8).

²³ Появилась и такая точка зрения: правомерно трактовать политическую культуру как в «широком» смысле (включая в нее проявления сознания и поведения), так и в «узком» смысле (ограничивая политическую культуру представлениями о мире политики). И то и другое, мол, правильно. Выбирай, что по душе. Стать на подобную точку зрения — это все равно, что уравнивать подсистему с целостной системой, частью которой она является, или какую-то часть тела, скажем голову, с телом в целом.

²⁴ См. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990.

в их рамках политиков и чиновников? По-видимому, нет, ибо функционирование политической системы и образующих ее элементов подчиняется собственной внутренней логике и имеет собственные феноменологические проявления (определяемые, в частности, действием коллективного бессознательного), выводимые путем эмпирического исследования объекта.

Таким образом, если на индивидуальном и групповом уровнях политическая культура выступает как единство культуры политического сознания и поведения индивидов и групп, то на уровне социальном она должна быть дополнена новым интегральным элементом, а именно, культурой функционирования политической системы и образующих ее институциональных структур.

Исходя из сказанного, политическую культуру можно охарактеризовать в самой общей форме как *систему исторически сложившихся, относительно устойчивых и репрезентативных («образцовых») убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности.*

При этом важно иметь в виду, что любая политическая культура — тем более культура развитая — носит (подчеркну это еще раз) «бинарный» характер, т. е. включает в себя не только положительные, но и отрицательные устойчивые черты, наблюдаемые в сознании и поведении субъекта политического процесса. Например, игнорирование выборов значительной частью населения, устойчиво проявляющееся на протяжении более или менее длительного периода времени, или политическая нетерпимость, или ориентация на использование насильственных форм в борьбе за власть и т. п. могут быть характерны для политической культуры как общества в целом, так и какой-то его части.

Переходя на уровень метафор, можно сказать, что политическая культура — это своего рода *матрица политической жизни*, задающая устойчивые формы сознанию и поведению отдельных граждан, групп, институтов и общества в целом. Ее можно также определить как своеобразный *политический генотип*, имея при этом в виду, что последний характеризуется биологами как «генетическая (наследственная) конституция организма, совокупность всех наследственных задатков данной клетки или организма»²⁵. При этом генотип рассматривается не как «механический набор независимо функционирующих генов», а как «единая система генетических элементов, взаимодействующих на различных уровнях», контролирующая «развитие, строение и жизнедеятельность организма»²⁶. Это, конечно, всего лишь метафора, призванная сделать представление о политической (и не только политической) культуре более наглядным и понятным.

Понять политическую культуру советского общества — значит понять, как функционировал в политическом плане этот сложный организм, каким закономерностям подчинялась его политическая жизнь на тех или иных уровнях. А для этого необходимо исследовать не только провозглашенные идеалы и нормативные установки, но и реальные формы сознания и поведения людей и функционирования государственных и негосударственных институтов — в центре и на местах, «вверху» и «внизу».

(Продолжение следует)

²⁵ Биологический энциклопедический словарь. М., 1986, с. 126.

²⁶ Там же.